

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ
(РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ)

Материалы секции
XXXIX Международной филологической конференции

*15–20 марта 2010 г.,
Санкт-Петербург*

Санкт-Петербург
2010

⁵ Крюков М. В. Система родства китайцев. М., 1972; Ольдерогге Д. А. Малайская система родства // Ольдерогге Д. А. Элигамия: Избр. статьи. М., 1983.

⁶ Дзибель Г. В. Феномен родства: Прологомены к иденетической теории // Алгебра родства. Вып. 6 / Отв. ред. В. А. Попов. СПб., 2001; Vasco W. R. The principle of seniority in the social structure of Yoruba // American Anthropologist. Washington, 1942. Vol. 44. № 1; Burridge K. O. L. Siblings in Tangu // Oceania. 1959. Vol. 30. № 2; Murdock G. P. Social Structure. New York, 1949.

⁷ Кузнецов А. М. Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем / Отв. ред. Э. А. Макаев. М., 1971. С. 269–277.

⁸ Попов В. А. Экологическое время и циклические структуры возрастных и родственных систем // Пространство и время в архаических структурах: (Материалы коллоквиума). М., 1992. С. 29–31.

⁹ Леви-Стросс К. Лингвистика и антропология // Леви-Стросс К. Структурная антропология. С. 74.

¹⁰ Эти слова дает поиск в норвежском Google.

¹¹ Кузнецов А. М. Указ. соч. С. 269–277.

Л. Н. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛАТИНСКИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ М. В. ЛОМОНОСОВА

Данная статья посвящена особенностям использования латинских включений в языке М. В. Ломоносова, она написана по материалам конкорданса¹, составляемого авторским коллективом в преддверии юбилея великого русского ученого.

В научном наследии М. В. Ломоносова представлены, в том числе, тексты на немецком языке, которым он в совершенстве овладел за время пребывания в Германии и которым он продолжал пользоваться для общения со своими коллегами по Академии наук и в семье. Немецкие тексты Ломоносова, как и прочие, характеризуются наличием в них слов на других языках, из которых наиболее часто используется латынь. Помимо латинских включений в немецких текстах М. В. Ломоносова встречаются также иноязычные вставки на французском и русском языках. Это вполне объяснимо, с одной стороны, тем, что русский язык являлся его родным языком, а с другой — тем, что французский язык использовался в качестве языка общения привилегированных образованных слоев общества не только на уровне межнационального, но и национального общения. Частотное же использование именно латинских слов вытекает из того факта, что латынь в то время продолжала еще оставаться языком науки, т. е. языком общения определенной профессиональной группы, причем на всем европейском пространстве.

На вышеуказанном материале предпринимается попытка выявить наиболее характерные типы латинских номинаций в немецких текстах, дать их синтактико-морфологическую и лексико-семантическую характеристику, вскрыть экстралингвистические причины их возникновения и употребления, а также описать их функциональный потенциал. Подобные исследования позволяют определить особенности системы средств иноязычных текстовых включений не только на уровне определенного исторического среза языка, но и в их диахроническом аспекте.

Внутри латинизмов, встречающихся в немецких текстах М. В. Ломоносова, можно выделить следующие лексико-семантические группы: наименования реалий, связанных с научной жизнью и деятельностью; устойчивые общепотребительные выражения; обозначения временных промежутков; отдельные случайные латинские вставки.

Самая большая группа латинских слов используется для обозначения реалий научно-академической жизни. Среди них можно выделить следующие основные подгруппы:

1) обозначения научных титулов и званий, например: *Doctore Medicinae, Professores*;

2) названия предметов преподавания, отраслей науки, например: *Cursum Chymicum, Historia naturalis, Cursu mathematico, Stahl's Fundamenta Chymiae, Algebra*;

3) названия учреждений и помещений научно-учебного назначения, например: *Laboratoria, Academia, Institutiones Chymiae*;

4) обозначения неотъемлемых составляющих процесса обучения, например: *Studia, Experimenta*.

Характерно, что латинские слова, помещенные в соответствующие диспозиции внутри немецких предложений, стоят в том падеже, который требуется согласно правилам немецкой грамматики. (Правда, здесь следует учесть, что грамматическая категория падежа имеет во всех языках сходную понятийную основу.) Ср. разнопадежные формы одних и тех же существительных в последующих примерах:

Denn Ew. Excellenz hohe Gnade ist diejenige, der ich einzig und allen meine Wohlfahrt zuschreiben muß, in dem Dieselben durch hohe Verteidigung bey Ihro Majesteten es dahin vermittelt haben, daß mir, obschon aller dieser hohen Wohlthaten unwürdig, in Gnaden zu gestanden, meine *Studia* auf ausländische Academien zu excoliren;

Es verpflichtet mich meine Schuldigkeit, daß ich Denselbigen für Dero grossen Wohlthaten meine Dankbarkeit alle Augenblick bezeuge; vielmehr nun als ich von meinen *Studiis* und allem was mir aller-gnädigst befohlen rapportire;

Ich tröste mich noch damit, daß ich die Gelegenheit gehabt in denen berühmten Städten zu seyn, und dabey mit einigen erfahrenen Chymicis zu sprechen, ihre *Laboratoria* und die Bergwerke in Hessen und Siegen-land in Augen Schein zu nehmen;

Die erste Gelegenheit mich zu schimpfen hatte er in *Laboratorio* in Gegenwart derer Herren Commilitonum.

Вторая группа — устойчивые общеупотребительные выражения, которые не относятся непосредственно к профессиональной деятельности М. В. Ломоносова. Они, несомненно, имели хождение в текстах, принадлежащих к иным коммуникативным сферам. Ср.:

Nun aber halte ich mich in Marburg bey meinen Freunden in *Cognito* auf <...>.

Особый интерес представляет нижеследующий пример, где в кавычках приводится общеизвестное латинское изречение, использованное Ломоносовым при характеристике его отношения к немецким коллегам по Петербургской академии, с которыми у него, как известно, были весьма непростые отношения.

Daß Schumacherisch schelmische Principium «*divide et imperabis*» ist auch noch biß dato bey seinem *Successor* in dem größten Schwang.

Данное изречение относится к крылатым словам и несет на себе отпечаток интертекстуальности. Впервые оно было использовано для характеристики политической стратегии Древнего Рима. Генрих Гейне в одном из своих писем приписывает авторство этих слов Филиппу, отцу Александра Македонского, но при этом не ссылается на какой-либо конкретный источник. Считается, что в публичный обиход эти слова ввел Людовик XI, широко известными и употребительными их сделал французский философ и экономист П.-Ж. Прудон. И. В. Гете в своем сборнике «*Sprichwörtliches*» выстраивает на основе этого выражения следующую антитезу: «*Entzwei und gebiete! Tüchtig Wort; Verein und leite! Besser Hort*»².

Многие из подобных примеров встречаются во многих европейских языках, используя либо на языке оригинала, либо в переводе, как, например, в вышеприведенном комментарии Гете. При этом переводные эквиваленты относятся к более позднему времени.

Достаточно часто в эпистолярном наследии Ломоносова латинские вставки встречаются при обозначении дат. Ср.:

d. 10. *Januarii Anno 1739*;
Marburg d. 15. *Octobris Anno 1738*.

Такое оформление писем имело, видимо, характер нормы для текстов данного жанра в описываемое время и лишь постепенно заменялось на переводные эквиваленты на родном языке. Интересен также тот факт, что латинские обозначения дат обычно имеют место не в самом тексте письма, а в его оформлении, в то время как в самом тексте встречаются уже собственно немецкие слова. (Ср. нижеследующий пример).

В исследуемом корпусе примеров встретился один пример, который невозможно вписать ни в одну из выделенных групп. Ср.:

Als rapportiren wir hiemit unterthänigst, daß, nach dem wir hier in Marburg den 15ten Nov. n. St. 1736 angekommen, wir sogleich bey einem hiesigen Doctore Medicinæ Conradi ein Collegium Chymiaë theoretico-practicum für 120 Thaler bedungen, worinnen er uns Stahlis Fundamenta Chymiaë lateinisch erklären, und die darin vorkommende Experimenta in Praxin bringen sol[[]]te, Weil er aber *praestanda* weder *praestirte*, noch *praestiren* kon[n]te, so haben wir daßeßbiges Collegium mit Gutbefinden des Herrn Regierungs-Raths Wolffs nach 3 Wochen aufgegeben, und sind im Januario dieses 17377ten Jah, res in ein Collegium Chymiaë publicum, welches der hiesige professor Duysing über Teichmeyers Institutiones Chymiaë hält, und noch fortfähret, gegangen.

В данном примере Ломоносов обыгрывает известное латинское понятие *praestanda*, широко использовавшееся в юриспруденции многих европейских стран со значением 'гарантия, обязательство', сочетая его с однокорневыми глаголами в разных грамматических формах. (Эти глаголы образованы по известной словообразовательной модели с использованием суффикса *-ieren*.) Тавтологический повтор усиливает саркастический эффект и, соответственно, повышает прагматическое воздействие аргументации последовавших действий: отказ от лекций Конради и посещение лекций профессора Дуйзинга.

В этом же примере можно наблюдать возможный последующий переход слов латинского происхождения в состав немецкого языка. (Правда, что касается именно этого слова, то оно не вошло в современный состав немецкого языка.) Такой или аналогичный путь проделали многие латинские слова, закрепившиеся в лексическом составе современного немецкого языка, в том числе и те слова, которые встречаются в немецких текстах Ломоносова еще в виде латинских включений, например: *Studium, Labor, Akademie, Chemie, Professor* и т. д.

Как продемонстрировал проделанный анализ, латинские включения в немецких текстах М. В. Ломоносова представляют весьма значительную группу, и их историческая судьба оказалась весьма разнообразной. Часть из них так и осталась в той функции, которая были им присуща в то время, т. е. в функции иноязычных включений. Другие были вытеснены соответствующими немецкими эквивалентами, часто с латинскими корнями (как, например, названия месяцев). Другие образовали группу иностранных, причем скорее интернациональных, слов, так как они встречаются во многих современных европейских языках. Данное обстоятельство свидетельствует об исторической изменчивости иноязычных включений, а также об их зависимости от конкретных социальных условий. (Ср. постепенное уменьшение роли латинизмов в современной науке по сравнению с той эпохой.) Таким образом, «полифонизм»³ или «поликодность»⁴ текста представляет собой исторически изменчивое и экстралингвистически детерминированное явление.

Примечания

¹ В качестве источника для составления словаря послужили опубликованные тексты Ломоносова: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии. М.,

1952; Т. 10: Служебные документы 1742–1765 гг. М., 1955. Все приводимые ниже примеры цитируются по конкордансу; страницы не указываются, так как он еще не опубликован.

² Duden. Zitate und Aussprüche. Bd. 12. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1998. S. 122.

³ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

⁴ Auer P. Code-Switching in Conversation. London, 1998.

В. В. Елисеева

Санкт-Петербургский государственный университет

МАРКЕРЫ УСЛОЖНЕННОСТИ КОНТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Одним из наиболее широких понятий в современной лингвистике является понятие контекста. Причина существования многочисленных определений этого явления кроется в его парадоксальности, отраженной в разнообразии выполняемых им в процессе дискурса функций, якобы противоречащих друг другу. И сама природа контекста, и его роль в речевой деятельности трактуются в науке о языке по-разному в зависимости от функций, им приписываемых. Одной из основных функций контекста, однако, единодушно признается снятие энтропии. В этом случае из всего объема значения слова выбирается единственно возможный в данном контексте лексико-семантический вариант (далее — ЛСВ).

Другая, казалось бы, противоречащая первой, функция контекста выявляется в процессе анализа экспрессивного текста. Такой функцией можно признать намеренное создание автором энтропии с целью углубления смыслового содержания дискурса и увеличения его экспрессивности. Читатель должен иметь возможность обнаружить это углубление, что обеспечивается рядом факторов.

Во-первых, это готовность читателя воспринимать текст не поверхностно, а априори полагая, что художественный дискурс не может не содержать дополнительных слоев информации. Вторым условием успешной интерпретации текста, тесно связанным с первым, является фоновое знание читателя, обеспечивающее так называемый «вертикальный контекст». Оба эти фактора относятся к разряду экстралингвистических и могут быть сопоставлены с внеязыковыми индикаторами контекста, описанными Н. Н. Амосовой¹.

Кроме того, пространство текста должно содержать лингвистические маркеры, указывающие на наличие, по терминологии Н. И. Жинкина, «смысловых скважин»². Такие маркеры аналогичны языковым индикаторам, описанным Н. Н. Амосовой и снимающим энтропию в неэкспрессивных речевых условиях. Маркеры этого типа имеют различный характер.

Так, жанр, к которому относится какой-либо дискурс, можно определить как прямо эксплицированный маркер, действующий в условиях наличия экстралингвистических факторов, о которых говорилось выше. Таким маркером усложненности контекста может служить принадлежность художественного текста к шуткам, анекдотам, каламбурам, либо, напротив, к возвышенной лирике и т. п. Наличие подобного маркера способствует реализации одного или более экстралингвистических факторов, упомянутых выше.

К косвенно эксплицированным маркерам можно отнести какое-либо нарушение нормы на разных уровнях, например использование игры слов на основе полисемии, омонимии, создание паронимасов, окказиональных лексических единиц, единиц вторичной номинации и т. д. В этом случае читатель должен, выявив деформацию, сопоставить ее с нормой для достижения необходимого прагматического эффекта³. В этом случае языковые условия успешной интерпретации текста взаимодействуют с экстралингвистическими (знание нормы в опоре на готовность сопоставления ее с деформацией, представленной маркером).

Наконец, третью группу составляют маркеры, которые никак не эксплицированы на поверхности текста. Это имплицированные маркеры, к числу которых относится, например, аллюзия, актуализирующаяся с помощью фонового знания читателя.

Как прямо или косвенно эксплицированные, так и имплицированные маркеры, в отличие от индикаторов контекста, не снимают энтропию, а указывают на ее намеренное усложнение.

Проиллюстрируем сказанное с помощью анализа текста, заведомо обладающего характеристиками экспрессивного, — стихотворения Г. Лонгфелло «I Shot a Song»⁴.

Прямо эксплицированным маркером в тексте является, прежде всего, его жанр — лирическое стихотворение, в основу которого положена метафора *arrow — song*. Уже на этом этапе восприятия текста однозначная лексема *arrow* с помощью метафорического переноса приобретает новый ЛСВ ('smth sent into wide world'), т. е. становится многозначной. Аналогичным образом вводится энтропия и в другие лексемы того же дискурса. Так, глагол *shoot* получает дополнительный ЛСВ 'create' в условиях сочетаемости с переосмысленным словом *arrow*:

I shot a song into the air,

существительное *sight* расширяет объем значения за счет сопоставления с разными денотатами:

I shot an arrow...
the sight could not follow it in the flight.

I shot a song...
who have sight so keen and strong
that it can follow the flight of a song;